

фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Марик Лернер
Мусульманская Русь.
Восток

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Лернер М.

Л49 Мусульманская Русь. Восток: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 375 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1306-5

Военный корреспондент — профессия беспокойная. Вечно приходится мотаться по миру. А жизнь в мире не стала тихой и безопасной. Японские захватчики в очередной раз собрались переходить границу по реке. Правда, граничащей не с Русью, а с Китаем... Но сегодня они юг захватят, а потом и на север посмотрят с интересом. Читателям очень важно получать новости из первых рук. И Темиров отправляется к месту боев.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1306-5

© Марик Лернер, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Аллах — Господь не одного народа, а всех людей и всех творений. Он шадит, кого хочет, и награждает или наказывает каждого в зависимости от его деяний, а не от его принадлежности к тому или иному народу или его предкам. Нам — за наши дела, вам — за ваши дела.

Коран. 2:139

1935 год

С высоты третьего этажа был виден весь проспект.

Их были многие тысячи. Молодые и старые. Образованные и едва умеющие читать. Хорошо одетые и в крестьянской одежде. Богатые и бедные. Туфли на каблуках и стоптанные сапоги. Полувоенная форма, мех и обноски. Непокрытые головы и шляпки с платками. Десятки тысяч женщин, двинувшихся в едином порыве. По тротуару шли немногочисленные полицейские, не столько сопровождающие процессию, сколько обозначающие присутствие. Впрочем, желающих становиться на пути не находилось. Затопчут в едином порыве.

— Бог един! — взревели демонстрантки слаженным хором. — Страна едина, где наши права? Равенство для всех! Закон для всех одинаков!

— Судью Молочникова на фонарь, — закричал голос, перекрывая гул толпы. Не иначе в рупор, чтобы все слышали.

— Смертную казнь для убийц! — взвыла толпа.

— У нас есть право голоса, — хором скандировали тысячи женщин, — мы требуем справедливости!

Нет, что демонстрация будет, знал весь Владимир. Да что там, наверняка сейчас нечто похожее творится во множестве городов. Еще три дня назад было ясно: непременно страна встанет на дыбы. Когда Ава Сейдаметовна берется за дело, мало никому не покажется. Живая легенда нашего времени. Интересно, кем бы она стала, если бы за другую легенду замуж в свое время не вышла? Наверняка бомбы кидала бы в свободное от воспитания офицеров время. Тут уж ничего

не поделаешь. Когда у тебя за спиной триста лет рода, в котором одни военные, твои дети непременно подадутся в офицерское училище, а родиться девочкой — большое несчастье.

Характер и темперамент никуда не денется. Воспитание тоже соответствующее. Шестеро детей в семье, трое старших умерли в детстве, и мальчиков не осталось. Очень родителям не хватало наследника, и она им стала. Мужчиной в женском облике. Очень симпатичной, надо сказать. И сейчас вполне ничего, а в молодости весь гарнизон готов был по одному взмаху ресниц делать что угодно.

А дороги для тебя нет. Сиди на женской половине и помалкивай. Судя по разговорам, она и раньше, при Кагане, способна была отколоть все, что угодно. Просто обожала при случае завести разговор с очередным сильно религиозным типом и посадить его в лужу. Коран изучила серьезно — самостоятельно. На девочек подобное образование не слишком распространялось. Тут уж совпало так удачно или Ава умело подталкивала, но в том, как мы сейчас живем, есть немалая ее заслуга. Из ближайшего окружения она на Салимова самое большое влияние имеет.

Никаких тебе «дама света», добившаяся свободы и нехотя выполняющая общественные обязанности, время от времени появляющаяся на общественных мероприятиях. Она родилась для политики и решительных действий. Ава даже ходила не просто в деловом варианте мужского костюма, а во френче. Правда, приталенном и заметно подчеркивающим формы.

Женсоветы по всей стране, обеспечивающие юридическую защиту прекрасной половине населения, проводящие правильную государственную политику и заодно собирающие самую разнообразную информацию, поступающую в ее личный секретариат, — Авина идея и заслуга. Закон о браке, защищающем женщин, обучение для женщин в вузах, совместное обучение мальчиков и девочек, строительство новых больниц и школ. Все это она контролировала, а не просто освящала своим присутствием, как жена Диктатора.

Не ее вина, что Русь еще не доросла до желаемого европейского образца. Есть город — и есть деревня. Недаром голос горожанина на выборах приравнивается к пяти крестья-

янским. А по-другому и нельзя. Не доросли еще до всеобщего равного голосования.

Крестьянская часть страны еще огромна и во многом традиционна. Так просто воспитания не изменить, еще не одно поколение потребуется. Народ в принципе руководствуется привычками многих поколений, но наиболее патриархальна и меньше всего меняется сельская жизнь. Да, понятие убийства за потерю чести еще долго не исчезнет. Слишком долго мы жили в соответствующих условиях и при традиционном праве. Двадцать лет новой жизни многое изменили, но психологию людей переломить очень сложно.

Честь мужчины в любой деревне зависит от поведения женщины. Это все страшно индивидуально и подвержено множеству факторов. Что в одном месте позволительно, в другом — категорически нет. В маленьком обществе, еще недавно замкнутом на себя, где каждый знает всех, это иногда очень остро проявляется. В зависимости от того, насколько традиционна и религиозна семья, поведение разнится. Иногда неприличным будет считаться, если чужой мужчина заговорил с дочерью. Бывают и крайности, когда просто не так посмотрел. Отцу не понравилось — достаточно.

Он просто обязан изгнать назойливого поклонника, если не хочет осуждения окружающих. Обычно хватает и просто слов, переходящих в ругань, однако бывают и крайние случаи. Как сейчас. Рукоприкладства не хватило. Дочь при посторонних громко заявила о своей образованности, новой жизни и желании открыто прогуляться по деревне чуть ли не в обнимку с приезжим молодым человеком. Мы живем в интересное время. Где-то там, где она училась, никто из деревенских не в курсе, чем девушка занимается. Ходит ли на танцы без сопровождения родственников, носит ли короткую юбку, а может, вообще с парнями заигрывает. Чего не видят, того и не существует. Другое дело — дома. Здесь положено вести себя исключительно подобающим образом. А они уже не хотят. Привыкли к другому, более свободному поведению. Вот и довозмушалась.

У несчастного отца, в его понимании, просто не было другого выхода. Потеря чести непоправима. Дочь своим бесстыдным поведением его просто заставила поступить так, а не иначе. Любил он или не любил своего ребенка, значения

не имеет. Поступи он иначе — в деревне бы его не поняли, для него настал бы конец. Не физический — просто уважение окружающих и любое признание были бы потеряны навсегда. Попробуй прожить в общине, если с тобой не считаются и все настроены против. Это уже не жизнь — существование. И ведь это касается всего семейства. Выходов два: уехать — и повеситься. В первом случае ты всегда будешь помнить об унижении. О вдруг оборвавшейся привычной и удобной жизни...

Есть и третий — общепринятый.

Каждый год в стране происходят десятки случаев убийств по причине соблюдения чести. Все об этом знают. Очень многие одобряют, и нечасто преступление выходит на свет. И местные власти, и сами деревенские (а иногда и городские из недавно переселившихся в город) не заинтересованы раздувать очередной неприятный случай. Дело не то чтобы прячут, но делают вид, что не знают причин. Списывают на несчастные случаи. В этот раз не вышло. Подозрительный жених оказался не из простых ребят. Новая формация. Правильно воспитанный, партийный товарищ. Да и любил, видимо, девушку. Умудрился поднять шум. И даже сейчас могло сойти без особых последствий. Ну, дал судья Молочников десятку каторги, как за непредумышленное убийство. Вполне нормальная практика. И наказан по закону, и не чрезмерно. Все довольны. Да вот Ава нашла возможность сделать из этого происшествия наглядный пример.

Честно, не так уж она и неправа. Хороший предлог для давления на традиционалистов и деревню. Прекрасная возможность вмешательства в политику и продвижения своих идей. Замечательная история для объединения разных направлений в женском движении. Пришло время показать силу. Многие выросли в годы Диктатуры и не хотят возврата к прежним порядкам. Они их и не помнят, получая совсем другие представления о правильном поведении в школах. А вот теперь возьмутся и за деревню всерьез. Тут уже пахнет не просто отделением религии от государства — прямым противостоянием. Начнут в школах воспитывать на подобных примерах по утвержденной программе — ой что будет...

— Что-что? — переспросил Белов, недослышав.

Выкрики перекрывались дружным ревом:

— Бог един! Право для всех одинаково! Закон един для всех!

Тоже любопытное нововведение. Раньше я такого не слышал. Хорошая мысль. Теперь никто не сможет возмутиться. Не Аллах Акбар или еще какой Иегова. Женщины всего мира, объединяйтесь в борьбе за свои права. Не мусульманки с прочими христианками или буддистками. Все. Религия — личное дело каждого, страна едина. Оно и раньше неоднократно звучало, но не в таком виде.

— Она кричала «женщин в судьи», — любезно сообщил я. — И еще призывала посадить на кол мешающих получать образование. Женская логика. И то и другое одновременно. Чисто по-революционному.

— Сначала — в судьи, потом — в министры... — пробурчал Всесвет.

— А потом — и в главные редакторы, — обрадованно подхватил я.

Белов посмотрел на меня ошумелым взглядом и явно задал желание выругаться.

— Запрещающим женщинам работать и требующим сидеть дома и заботиться только о своем господине — скажем дружно «нет»! — орал матюгальник на улице женским голосом. — У нас нет господ! Равные права!

Толпа возбужденно взревела.

— Шас окна бить начнут, — посетовал я.

— Твоя тоже там? — спросил он.

— Хотела. Внезапно Глеб засопливился. Был привлечен консилиум из моей матери и врача из детской больницы. Старые знакомства. Совместными усилиями выяснили — ничего страшного, но Любка решила сегодня посидеть с ним. Ничего, еще завтра наверстает.

— Думаешь, не на один день?

— Это смотря на реакцию высокого начальства. Посадят на кол Молочникова — и все успокоятся.

— Шуточки твои, — недовольно сказал Белов, закрывая окно. Звуки стали тише, но, если напрячься, можно разобрать очередные речевки. Сильно прихрамывая и опираясь

на палку, прошел к столу и плюхнулся на стул. — Тебя бы на мое место.

— Не выйдет, — злорадно так сообщаю, — званием не вышел. Тут по штату не меньше полковника. Сам отдувайся.

После переворота значительная часть чиновников фактически саботировала действия правительства или, боясь быть осужденными за свои действия, предпочитала бездействие. Откуда новой власти было взять преданных людей? Сплошной дефицит не запятнанного сотрудничеством со старым режимом. За год семнадцать тысяч уволили без права занятия государственных должностей. Этим еще повезло — некоторых сажали. Не очень много, зато с обязательной конфискацией имущества. Сложно догадаться, откуда возьмутся новые кадры? Совсем просто!

Наше правительство и административные органы чуть ли не наполовину состоят из бывших военных. Кто основная опора военного правления? Они самые. Армию сокращать необходимо, держать миллионы людей под ружьем невыгодно экономически и просто опасно. Куда девать лишних? На смену нелояльным. Очень просто и красиво.

После переворота повсюду устанавливалась военно-административная власть. Естественно, на первых ролях оказались офицеры. Они вынужденно налаживали не только порядок, причем часто крайне энергично, но и занимались организацией хозяйственной деятельности. Методы были вполне солдафонские, да не стоит считать любого военного дуболомом. Кто до полковника дослужиться не успел, мозги чаще всего еще на месте. А таких было подавляющее большинство, и на новом поприще они всерьез настроились делать карьеру.

Потребовалось всего пять лет для восстановления производства до довоенного уровня. Если бы не вспышки мятежей, срок был намного меньше. При этом одновременно шла яростная кампания по искоренению пережитков, давились восстания на окраинах и был создан эффективный административный аппарат. Заметно укрепилось влияние государственного сектора в экономике. Вот с коррупцией и семейственностью окончательно так и не справились и через двадцать.

Многие из сегодняшних высоких гражданских чинов хорошо знакомы с Магди с давних времен. Попадают и родственники. И что абсолютно «неожиданно», на ключевых постах сидят совсем не случайные кадры. На кого еще опираться, как не на своих проверенных товарищей? В массе своей консервативных, но заинтересованных в изменениях. Без излишеств и постепенных.

У нас на Руси масса офицеров была выходцами из низших слоев общества. Кто-то поколения назад пошел в армию, кто-то недавно, но кастовости и перегородок между солдатами и командирами не было никогда. Дворянство так и не оформилось, и в теории все были равны. Вне строя однополчане исключительно на «ты». Одни, правда, богатые, а другие не слишком. При полном соблюдении дисциплины и субординации отношения между начальниками и подчиненными во внеслужебное время были достаточно свободными. Офицеры чувствуют себя вне социальных классов. Они — офицеры армии, а это повыше, чем что-либо другое. Для нас армия — не просто слово. Для многих это образ жизни и мыслей.

Кадровых офицеров, не принявших новой власти, было минимальное количество. Не стремящихся служить найти было практически невозможно. Перевороту изначально сочувствовало подавляющее большинство. Ему радовались. Слишком сильно было убеждение в виновности Каганата, в моральной ответственности за все происходившее во время войны. Очень уж много вылезло недостатков и болевых точек при первых же сложностях. Чрезвычайно резала глаз отсталость во всех отношениях при сравнении как с противниками, так и с союзниками. И это на Руси, всегда считавшей себя величайшей страной!

Спроси любого — и они уверенно ответят, что демократия — это роскошь, которую страна с таким уровнем развития, как Русь после войны, не может себе позволить. Необходимо сначала подготовить экономические, социальные и культурные предпосылки для демократии. На самом деле никакая демократия нам не требуется, но надо делать хорошую мину перед европейцами и американцами. Моментапно с высокой трибуны было заявлено о невозможности преобразовать страну за одну ночь. Требуется подготовите-

льный период на построение базы улучшения благосостояния. А пока во избежание анархии придется поступиться некоторыми вещами.

Впрочем, именно в этом вопросе я с ними абсолютно согласен. Любые перемены бьют по людям, по очень большим слоям общества, и нельзя ломать страну даже из самых лучших побуждений, не имея за спиной серьезной силы. В теории реформы всегда проводятся в интересах общества и с его согласия. На деле простой народ не спрашивают. Слишком уж он болезненно воспринимает новые идеи. До реальных перемен на манер бесконечных партийных свар во Франции нам еще далеко. Пусть все на самотек — и защитники семейной чести получают большинство на выборах, а там недолго и до возврата к Каганату. Спасибо, не хочется.

Никуда не денется деревня. Там за Салимова зубами загрызут. Первой же мерой революционного правительства была отмена ростовщических процентов по долгам. Крестьянский банк национализировали уже потом, да и процент на ссуды для мелких собственников там минимальный.

И роль «Движения за национальное развитие» за эти годы серьезно выросла. Модернизация по-армейско-салимовски означала не простое заимствование западных образцов, хотя и это имело место в отдельных случаях, а преломление через традиции общества. Главную роль при этом играл здоровый национализм. Низкопоклонство перед демократами у нас пройдет, а патриархально воспитанному поколению очень даже нравилась подобная постановка вопроса. Взять и при этом поплевывать свысока на дающего.

Основная идея — процветание нации, тесно связанное с ее независимостью, под которой понимается экономическое самообеспечение государства и его политическое самоопределение, — доступна самым недалеким людям. А что при этом поминается регулярное вмешательство государства, как носителя справедливости, во все сферы жизни — так для Руси ничего особо оригинального. Каган, простите, заменивший его Диктатор всегда был высшей инстанцией, и правительственные учреждения — инструментами в его руках.

Изначально планировалось опираться на традиционную

деревенскую культуру коллективизма, однако затем пришло решение заменить обычных сельских старост специально подготовленными руководителями из неместных. Не везде проходило гладко, были и сложности. Чужаков в деревнях никогда не любили, но власть есть власть. Прислали молодого и энергичного — не хочешь, а подчиняешься. Тем более что он всегда на стороне крепких хозяев. Иерархии внутреннего лидерства крестьянского общества никто сломать не стремился. Вот ростовщиков очень быстро нагнули запретами и налогами. А кто землю пашет — хоть сам, хоть при помощи наемного труда — свой человек. Главное — не нарушать законов.

Отделения и ячейки «Движения» имеются повсеместно, в любой деревне и на самом маленьком предприятии. Молодое поколение получило социальный лифт и возможность через «Движение» выйти в «люди». Из этих парней и девушек, получивших правильное воспитание, и формируется новая государственная элита. Уже не представители своего общества, а надклассовая структура и, согласно одной из речей нашего всеми уважаемого Диктатора, «состоящая из молодых и компетентных лидеров нового поколения». В переводе с официального русского на разговорный язык — мы получили молодых офицеров, являющихся основным командным звеном нового режима.

Кругом сплошные золотопогонники. Официальные и неофициальные. Так что мне сам Аллах разрешил не мучиться чиновничеством. Мы ж не просто старые знакомые — я служил в правильном месте. И с присвоением первого офицерского звания меня командир дивизии поздравлял, и первый орден лично вручал еще рядовому. Не изувечь ему ногу осколком — в большие чины мог выйти бывший командир Белов.

А мне на этой почве повезло. На все на свете удача нужна. Не назначили бы Белова редактором армейской газеты, и не обнаруж он в присланной почте мой первый опус о Ярославской добровольческой бригаде да не вспомни меня — хрен его знает, чем бы я сейчас занимался. А теперь я, если по армейским меркам, в звании (вечный корреспондент против главреда) намного ниже, зато по должности (сиречь известности) гораздо популярнее. И, что важнее, за грани-

цей тоже. Можно смело гордиться успехами. Не каждого награждали международными и государственными премиями и высылали со скандалом из двух стран, запрещая посещение империи, где никогда не заходит солнце. Где-то так на так положение получается. Какая уж тут субординация, если я на днях побывал на свадьбе его младшего сына. Почти родственник.

Вообще недаром сказано: «Чем больше приближаешься к горе, тем она становится все выше. Приближаясь к великому человеку, невольно замечаешь, что он все ниже и ниже».

Редактор известнейшей и влиятельнейшей газеты в моем представлении в бытность талибом¹ являлся гигантом мысли, энергии и образованности. Белов этими качествами не обладал. Прекрасный человек, приятный в общении, всегда готовый выслушать и помочь, но воспитание наложило четкий отпечаток. Он был неплохим администратором и даже иногда (в привычных армейских рамках) проявлял инициативу. Однако фактическое управление оставалось за редколлегией, хотя без его визы ничего не решалось. В творческий процесс он не лез и в глубине души крайне уважал способных написать что-нибудь серьезнее официального доклада вышестоящему начальнику. Воспитывать принимался исключительно желающих без разрешения влезть в темы подцензурные.

— Слушай, — жалобно сказал Белов, — ну есть же границы.

— Ага. Надлежащим одеянием для женщины является чадра, покрывающая волосы, руки и ноги и не показывающая ее красоты. В нашем климате приводит к рахиту. Недостаток солнца, как утверждают врачи, приводит к невосполнимым последствиям. Если не выдумали на ниве просветительского энтузиазма. А вот язык им, честно скажу, лучше всего отрезать при рождении.

— И тебя жена достала! — обрадовался Всесвет. — А я сколько лет терплю. Так им прав мало.

— А куда деваться? Ну если без высоких слов... — Он заинтересованно кивнул мне. — ...Это руки, — вздохнул я. —

---

¹ Талиб — ученик, студент (*араб.*).

Просто рабочие руки. Грубо говоря, четверть взрослого городского населения. В деревне женщины и так работают, за редчайшим исключением. Занимая места, где требуется не особая физическая сила, а терпение, усидчивость и внимание, они высвобождают мужчин. Все эти продавцы, телефонисты, секретари, медсестры, учителя — это миллионы рабочих мест. Даже текстильные фабрики и столовые с ресторанами. Государство выигрывает дважды. Оно может маневрировать, перераспределяя работников и направляя в нужные отрасли, и... платить женщине меньше. Проблема в чем? Что устраивало двадцать лет назад, уже не кажется привлекательным. Они хотят расти по служебной лестнице. Не медсестра, а врач. Не секретарь, а пусть маленький, но начальник. Потом дойдет и до большого. А запретить нельзя. И кстати, помяни мое слово, следующий этап — требование одинакового жалования независимо от пола. Профсоюзы этого давно добиваются.

— Это справедливо.

— Разве я спорю? Не верю, будто то, что было правильным в дни Пророка, да пребудет с ним мир и покой, должно быть применимо и сегодня! Я прекрасно понимаю — мир изменился, и мы вынуждены меняться с ним. Иначе окажемся в хвосте. Я солидарен, когда женщины отказываются быть чьим-то имуществом без права голоса и без права выбирать. Но! Есть огромное «но». Муж всегда был высшей инстанцией. Жена сидела дома и воспитывала детей. Он приходил и ставил точку в любом споре, вынося решение. Никто и не думал возражать, сплошное уважение. Потому что он был кормилец и от него все зависели. А станут они, — я показал в сторону окна, — получать не меньше или даже, не дай Аллах дожидаться, больше — какое уважение? Какое воспитание? Она работает, и ей некогда. Жена делает карьеру и неплохо справляется. Будут убивать уже не дочерей, а жен. Станут брать в жены необразованных и бояться умных. А потом привыкнут. И главой семьи станет женщина.

— Умная жена всю жизнь крутит мужем, как хочет, — задумчиво сообщил Белов. Не удивлюсь, если про себя.

— Дома. Не открыто. Но волноваться не стоит, — бодро заверил я. — Точно не в этом поколении. Разве что внушки твои доживут.

— Не думаю, — помолчав, сказал он, — что стоит об этом писать. Очень уж картина получается... неприглядная.

— Я много чего пишу и иногда никому не показываю. Велик Аллах, когда-нибудь придет время и для этого. А пока нет смысла. Никакая цензура не пропустит. Лучше уж проводить в народе идею, способную объединить всех мыслящих, независимо от религии и пола, не вызывая катаклизмов. Мы ведь все по рождению националисты по отношению к загранице. Страна едина! — продекламировал демонстративно. — Народ един! Совсем неглупые лозунги. Даст им Салимов, чего просят, и будет огромная поддержка всем начинаниям правительства. Закон о защите брака не только запрещал многоженство, давал право на развод, но и обещал право голоса. Вот они им и воспользовались в полной мере.

— Ладно. Внутригосударственные дела обсудим в другое время. На чем мы остановились до того?.. — Он поморщился.

— На гневных криках по поводу моего поведения, — с готовностью докладываю.

— Тебя воспитывать — исключительно время терять, — брюзгливо сообщил Белов. — Совсем распоясался. Скажи спасибо, что вместо поручения навечно ездить с репортажами по медвежьим углам просто выдернули из Германии. Писатель... мля... Что за хамская манера фигу в кармане держать?! Все кругом идиоты, и никто не догадается?

— А вот это, — твердо заявляю, — на совести дураков-перестраховщиков. С какой стати кто-то углядел намеки на собственную Отчизну в моем описании Леманна?

Взгляд начальства был достаточно выразителен. Еще немного — и натурально взбесится.

— Внутренняя обстановка в Германии, — старательно делая вид, что не понимаю, принялся излагать, — страх перед критикой со стороны оппозиционных партий и корыстные интересы делают Леманна временным нашим союзником. Именно временным. Он ищет одной выгоды, а не реального союза. Голый расчет. Помяните мое слово, он скоро крепко возьмется за любых несогласных.

— Ты всерьез не понимаешь или придуриваешься?

Да все я вижу, мысленно завопил, но они больные на го-

лову в своем МИДе. Ну написал: «Применяются отнюдь не парламентские методы для устранения противников, включая внесудебный террор против оппозиции, в стремлении ликвидировать неподконтрольную правительству Леманна политическую деятельность». При чем тут Салимов?! И про выбор народом вождя с обязанностью для него взять личную ответственность не только за своих соратников, но и за всех подданных — тоже без всяких кивков на Русь. Отвечать необходимо за свои действия, если уж веришь в свою миссию. Какие, к шайтану, намеки! Это у них на уме, не у меня! Если бы Диктатор лично обиделся, меня давно бы допрашивали совсем по другому адресу.

— И в первую очередь, — продолжая старательно изображать наивность, сообщаю, — разберется с нашими друзьями. Все эти речи достаточно откровенны, надо только слушать. Идейная близость с британцами, заявка на реформирование армии. Мало, что ли? Кто-то вообще читает, что я писал про проект нового закона, включающий всеобщую воинскую повинность?

— Молчать! — зарычал Белов.

Достал я его. Он все прекрасно понимает, но должность такая. А позвонили наверняка с очень больших высот. Не стал бы суетиться иначе. Ему передо мной было даже неудобно, и по всем инстанциям старательно отмазывал как бы не в том же стиле. Прямо-то никто ничего не говорит. «Есть мнение», — и глаза заводятся в потолок.

— Все. Думай в другой раз, — после длительного молчания приказал соответствующим голосом. — Доиграешься. Вопросы есть?

— Если не знаешь, как поступить, изучи мнение начальства и следуй ему. Установка ясна, — подтверждаю с готовностью. — Англичанка гадит, американцы недовольны японскими действиями, и желательно подтолкнуть в правильном направлении. Франция опасается за Индокитай, и не мешаешь покапать на мозги простым лягушатникам. Китайцы почти хорошие, японцы не совсем плохие. Они отвратительные. Ничего не забыл?

— Твоя хамская привычка передавать обзоры в США, а потом ссылаться на них же при написании очередной статьи в русской газете для обхода цензуры. Вроде не сам придумал,

а просто ссылаешься на общеизвестное. Думаешь, никто не замечает?

— А что, так заметно? — огорчаюсь. — Молчу, молчу. Все понял. Но неплохо задумано? Всегда есть возможность пропихнуть интересную новость в обход бдительной цензуры. «Herald Tribune» в наших газетных киосках начала свободно продаваться, и сослаться на тайну сложно. Хорошие бизнесмены живут в США — расширяются. Уже и к нам пробрались. Да и не писал я ничего против нашего руководства. Исключительно про Германию.

— Гуляй, — сказал Белов брюзгливо. — Умник выискался. Билеты на поезд и прочие бумаги получишь в финотделе. Заодно и проветришься в дороге. Лежит на тебя где-то папка и пухнет. Потом извлекут и шарахнут по башке — мало не покажется.

— Я верю, — торжественно заявляю, — в мудрость наших замечательных правоохранительных органов. И что немало важно, знакомство со многими высокопоставленными товарищами. Вдруг каску одолжат?

— Посерьезней тебя люди горели, — поморщился Белов. — Подумай.

Я вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. Не нравятся мне такие указания, и срочная командировка в совершенно другой конец континента тоже. Неужели что-то всерьез бродит по нашим вконец ополоумевшим от бдительности верхам? Неприятно. Скоро совсем начнут заставлять писать согласно указаниям — от сих до сих. Попытка повякать свое будет караться отлучением от редакции и каторжными работами в сельском хозяйстве сторожем.

Не хочется верить в подобный маразм, но у нас всегда любили пересаливать. Лучше перебдеть, чем недобдеть. За запрет отвечать редко приходится, а за разрешение может и серьезно влететь от вышестоящих. Тогда придется уходить на вольные хлеба. Мне это проще. И доход какой-никакой с нефтяного участка присутствует, и второй фильм про доблестного русского разведчика радостно куют на киностудии.

Странные люди. Ну бред же натуральный — кто хоть рядом с этими вещами стоял, прекрасно понимает, насколько ерунда, а люди толпами ломятся посмотреть. Прямо неудобно. Не настолько я деньги люблю, чтобы клоуна из себя

строить. Хотя семью тоже надо кормить. Раньше-то не задумывался над стоимостью женского платья. Любке вечно выйти не в чем. Посмотрел как-то на счет от портнихи и глубоко задумался. А куда деваться? Жена обязана выглядеть прекрасно. Это же вроде ордена на груди. Смотрят и завидуют. И еще важнее, когда она довольна: тогда жизнь прекрасна.

Впрочем, я счастливчик. Всегда был и, очень надеюсь, останусь. Сумел-таки создать оригинальную книгу. Первый на Руси на этом поприще. Честно сказать, писателем себя по-прежнему не ощущаю, но приятно. Деньги не сильно большие, зато престиж, реклама, и мне теперь и тиражи с гонорарами обеспечены. А как же, «Семья Кантемировых» даже без похвалы Салимова, растиражированная по всем изданиям, восемь недель самой продаваемой в стране была. А с соответствующей надписью на обложке стала страшно завлекательна.

Всем стало жуть как интересно. Кто ищет ляпы чисто из вредности, обнаруживая эфес сабли не той формы, а кто — глубокий смысл. Мне не жалко. Я даже могу исправить при переиздании неточность, а двойного смысла не вкладывал. Обычная семья, все поколения служившая государству, как они понимали. А это значит — кровью. Ни одна война без Кантемировых, которые суть Темировы, не обошлась, и не с каждой мужчины возвращались домой. Сам не заметил, как почти тысячу страниц написал. Два здоровенных кирпича за год.

Даже американцы заинтересовались книгу перевести. В долларах заплатят. Вроде это не то третий, не то четвертый случай в истории США. Русские писатели с их проблемами и молитвами Аллаху страшно далеки от тамошних читателей. А я — вот он, пробился! Есть чем гордиться.

Есть, конечно, и кто ругает. А как же. Я таких читаю, в отличие от похвальных отзывов. Ну да, кровищи под обложкой море. Ничего не поделаешь, почти ничего не выдумал, а шибко реалистично смотрелось — так личные впечатления вставлял. Война и сотни лет назад ничем особенным от современной не отличалась. Пот, вонь отхожих ям, кровь, мозоли и дурость командования вкупе с героизмом солдат.

Еще сценой взятия Пилау попрекали. Я виноват, что в го-

роде всех особ женского пола от двенадцати и до пятидесяти лет солдаты оприходовали? Еще и по несколько раз иных — на всех не хватало, осадная армия большая. Времена такие были. Культурные французы с англичанами почти в те же годы города на три дня на разграбление отдавали. Ничего не поделаешь: кого на шпагу брали, а не сам сдался, — тому ничего хорошего не светило. Зверства были совершенно нормальным явлением. А уж после убийства русских парламентариев ничего хорошего от победителей ждать не стоило. Вот Кенигсберг не курочили. Сдалась немчура честно и имущество, а заодно и душевное равновесие, сохранила в целостности и сохранности.

А одна экзальтированная девица опять же недовольна осталась историей с князем и полячкой. «Ой, такое невозможно», «Ой, у него один предок ногаец, а другой татарин. Не то воспитание». И сто тысяч ссылок на документы. Дура. Я всю историю натурально с семейства Киреев списал, особо не утруждаясь.

Кое-что исправил, кое-какие даты передвинул, но в целом очень близко к реальной истории. Василя сразу поняла и со смехом пообещала, если что, спрятать от брата. Ему крайне не понравилось описание подкаблучности предка. Одно дело между нами разговоры — и совсем другое растиражированное на всю Русь. Даже если не в такой степени — я писатель, я так вижу. Прекрасно известно о талантах ханши в управлении хозяйством и как она жен сыновьям отбирала. Традиция дожила до наших времен. Нет там соответствия имен, и даже усадьба в другом месте находилась. Какие претензии? Не историческое исследование, а художественное произведение.

А продолжения писать не буду. Слишком болезненная тема последний Каган. Не хочется лезть. Официально, как в учебниках прописано, рассказывать — себя не уважать. А замалчивать разные интересные подробности не хочется. Не случись Австрийская война — могли бы дальше поживать, постепенно скатываясь в сторону недогосударств Востока, и неминуемо плохо кончили бы. А ведь служили, и честно служили. Не называть имен? Так в результате вранье выходит. Про далекое прошлое легче.

Ходить бывает склизко
По камушкам иным.
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим¹.

Или все-таки попробовать, но не прямо? Взгляд не вполне типичного человека. И прототип интересный имеется.

1911 год

— Вот здесь!

Машина хлопнула по плечу и показал рукой.

— Напрямую минут двадцать, и патрули отсутствуют.

Ян поправил вещмешок и прыгнул. Скорость у паровоза на подъеме была маленькая, и, пробежав несколько шагов по инерции, он остановился. Помахал рукой на прощанье и двинулся в сторону домов.

Удачно получилось. Без денег и билетов, на перекладных нормально добрался. Уголек в топку немного покидал — да это не проблема, приходилось и раньше. Чего же не помочь приятным людям. Им хорошо, и ему неплохо. Свой брат железнодорожник всегда поможет. Со временем, правда, вышло не так уж замечательно. Надеялся проскочить вперед — не вышло. Военские эшелоны ходили пока по графику, а прочие перевозки всерьез трещали и задерживались. Без особого образования можно было догадаться, что впереди железку ждут серьезные трудности. Да и наслушался в дороге. Поездов не хватает, те, что есть, бесконечно чинятся — которые под откосом не валяются на Западе. Вагоны в отвратительном состоянии. Перевозки не только пассажиров, но и грузовые затруднены. Недаром и с продуктами напряженка. Где пусто, а где густо. На железке проще. Приспособились поездные бригады приторговывать, но дело незаконное насквозь, легко по шапке получить.

В городах еда по карточкам, а в деревнях обычной мануфактуры нет. Первые пару лет с начала войны в деревнях совсем неплохо жили, даже доходы выросли. Продукты и ар-

---

¹ Толстой А. К. «История Государства Российского...».

мии нужны, и в городе. Вот только запас прочности оказался не слишком большим. Как по мобилизации мужиков подмели, рабочих рук стало не хватать, да и цены не только на хлеб с картошкой и мясом подскочили — еще и на промтовары, и намного больше. Заводы-то с фабриками на военное производство все больше перешли. А фронт проглатывал все, начиная от ткани на форму и кончая лошадьми. Начались нехватки и ухудшение завоза. Как ни старайся, а если производство уменьшилось — либо цена больше, либо вовсе нет. Хреновая жизнь настала, и как бы хуже не было. Дожди вот зарядили не в срок.

Он запахнул шинель, мимоходом пожалев, что ватника с собой не взял, но ничего не поделаешь. Здесь глубокий тыл — не поймут, если пойдет по улицам в таком виде. И так не сказать чтобы сильно парадный вид. И полы, прожженные у костра, если присмотреться, и цвет не очень. Лучше не нашлось. Шинель была офицерская и по виду не отличалась от обычной. Качество сукна получше, да давно уже не имела ни приличного вида, ни нормальной подкладки. Весь форс для понимающих вышел, но старшина в солдатском обмундировании смотрится в глазах окружающих вахлаком. Невместно. Единственным отличием на фронте офицера от солдата кроме защитного цвета погон был ремень из настоящей кожи. Командиры быстро усвоили желание не выделяться: снайперы любили бить по головам в фуражках. Да и интендантство не слишком расщедрилось. Бравый вид для парадов, а поползаешь под обстрелом — и от солдата с виду ничем отличаться не будешь.

Проверил пистолет в кармане. Без оружия Ян чувствовал себя голым и с совершенно не положенным ему «вальтером» не расставался. Семизарядный магазин, рукоятка удобнее «парабеллума». В руке хорошо лежит, точность приличная. Не то что русское угребище — «федоров». Еще был хороший нож. Вполне достаточно для серьезного человека. Не гранаты же таскать по мирным местам. Натянул поглубже шапку-ушанку — изображать из себя бравого казака с головным убором набекрень желания на холоде не имелось — и потопал в сторону домов. Начало осени, а дожди холодные. С урожаем будут серьезные проблемы.

Тропинка больше напоминала сплошную грязевую ван-

ну, в каких богатенькие до Австрийской норовили полежать, якобы лечась. Морды кривили на иноверцев, а сами ездили. Стоило мотаться на заграничные курорты, когда дома грязюки огромное количество. Он с чавканьем переставлял ноги, тщательно следя, чтобы не поскользнуться. Упадешь — утонешь. А уж извозюкаешься наверняка. Грязь неохотно отпускала, с новыми силами цепляясь за сапоги. Ну ему не привыкать. Пехота тем и занимается, что постоянно топчет землю в отвратительных условиях, а разведка еще и на пузе старается. Пожалуй, ползком больше выйдет, чем ногами. За эти годы он наверняка намотал путь вокруг земного шара. До Тихого океана и обратно — точно.

Понемногу дорога становилась все лучше. Появились тротуар и замощенная проезжая часть. Дома тоже подросли. Маленькие невзрачные хаты почти как в деревне — на глазах превращались не в особняки, но приличные дома. Заборы стали прочнее и выше, уже не все серо и уныло. Их семья тоже жила в похожих условиях. Не нищета, люди нормально зарабатывающие проживают. Понятно, не из образованных, но квалифицированные.

Впереди двое мальчишек выясняли отношения. Наскоки, крики и не особо приличная речь. Без особой злости, просто возраст такой. Зачем дурью маяться, если спросить можно? Он и так бы нашел, но в незнакомом городе не стоит бегать по улицам. Можно и нарваться, а документов нет. Ян махнул рукой, подзывая, и они, моментально забыв про разногласия, охотно подошли.

— Где улица Садовая, знаете?

— А кто нужен? — спросил более худой, шмыгая соплицылым носом.

— Четырнадцатый дом. Нуялисы.

— Знаю, — согласился мальчишка. — Это врач, — пояснил он приятелю.

— Вот-вот, — обрадовался Ян. — Покажешь?

— За сигарету, — звучно высморкавшись, согласился тот.

— Пророк тебя не поймет, — усмехнулся Ян, — он завещал людям помогать.

— Главное — чтобы мать не поймала, — очень логично заявил тот.

— Махорки отсыплю, а сигарет нема.

— Пойдет, — согласился второй, хитро блестя глазами и протягивая руку: — Давай!

— ?

— Два квартала прямо, поворот налево. На воротах написано «Приемная». Раньше на дому лечил. Он вообще в госпитале, но жена должна быть дома.

— Вы проводите — тогда и получите, — сердито сказал Ян. Так проколется. Ведь правильно шел!

— Запросто, — довольно сказал худой, в очередной раз шмыгая носом и вытирая сопли рукавом. — Мы же не мазурики, и совсем не трудно. Пять минут — и будет Садовая!

...Ян старательно вытер подошвы от налипшей грязи и позвонил. В глубине дома задребезжало, но пришлось несколько минут подождать. Дверь распахнулась, и маленькая худенькая женщина вопросительно посмотрела на него.

— Я... это... — сообщил с изрядным удивлением Ян, пытаясь понять, как у такой матери мог родиться этот огромный жлоб. — От Радогора.

Больше он ничего сообщить не успел — был цепко схвачен за рукав, с неожиданной силой затащен внутрь и препровожден в залу. Даже снять шинель не дала, волоча его за собой и громко сзывая дочерей. В его представлении они были малявки, во всяком случае лейтенант, тьфу, капитан, никак не привыкнет, еще одну звездочку дали перед самым отъездом, так говорил, а оказались уже взрослые девицы. Шустрые до невозможности и энергичные. Старшую вроде Айша зовут, а имени младшей он не запомнил. Одна, не дожидаясь подробных объяснений, поспешно кинулась звать отца, другая пихнула на стул.

Он осторожно приземлился на краешек, стараясь не касаться чистой скатерти на столе и не запачкать стул. И так не сильно чистый и, возможно, вшивый, да еще двое суток в угле возился. В прошлом году завалились они на постой к местной помещице переночевать. Единственный на всю округу сохранившийся дом. Та была само радушие, пока по рукаву не промаршировала батальонным строем колонна вшей. Надо было видеть ее побледневшее лицо и как она шагнулась.

Ян достал из вещмешка письмо и сверток с деньгами и протянул матери.

— Вот, — сообщил с облегчением. Что еще сказать, не знал. Задача выполнена, пора смываться. Еще на станцию топать.

Никуда его не отпустили. Сначала было прочитано немногословное письмо, с обычным набором — «жив, здоров, чего и вам желаю». Потом начались расспросы. Ян косноязычно отвечал, стараясь говорить поприличнее, не срываясь на мат, и тихо изумлялся странным представлениям о фронте вообще и солдатской жизни в частности. Вопросы были изумительные:

— Откуда столько денег? Да у нас тратить не на что. Все за государственный счет. И еда, и одежда. Вот и собралось. Да ему еще что-то за награды положено.

У начштаба полка в карты выиграл. Ну не сообщать же. О, «мальчик». Надо же. Наш бывший лейтенант ребенок. На самом деле старший лейтенант раньше был, но никто так не говорит. Все младшие просто лейтенанты — и старшие автоматически превращаются в просто лейтенантов. Как подполковники и надполковники в полканов. И ведь для матери именно так. Наверное, и я для своей представляюсь невинным теленком. Тот еще Радогор перец. Мы же даже не штыками работаем — руками. Ножиком под лопатку. А ту немчуру он вообще руками удавил. Посмотрела бы мать в этот момент на личико своего мальчика — испугалась бы. Тут кто хочешь испугается. Рожа перекошенная и очень неприятная. Интересно бы на собственную в схожий момент посмотреть. Видать, ничуть не красивее.

— Как нас кормят? Прекрасно. Все по штатным нормам. Особенно когда, как сейчас, в окопах сидим.

На память перечислил полный список норм. Такие вещи он прекрасно помнил. Читали с голодухи приказ и ухохатывались. Звучало прекрасно. Правда, паек здорово урезали в прошлом году, но им откуда знать. Про пшенку, что из горла назад лезет, и вороватых интендантов распространяться не стал. Как и про убитую снарядом лошадь, из которой вырезали куски на морозе. Та еще работенка. Как дерево пилишь. Рассказать в подробностях про продсклад — так ведь не поверят. Если мясо не поступает вовремя, его по специальным таблицам заменяют по весу один к трем рыбой. А можно и консервами или колбасой. Где, интересно, водятся интен-

данты, способные оторвать от сердца колбасу, а не затхлые сухари по той самой таблице взаимозаменяемости и калорийности, в которой ведро воды запросто замещает котелок каши? Или недоброкачественная рыба списывается в отходы (а ее уже выдали взамен мяса), и тот самый окорок уходит налево? Нет, лично их роту не обижали. В каком-то смысле на привилегированном положении, всегда приварок есть, но когда в поиске, горячего не увидишь. Тогда и сухарь — лакомство. Сухой паек на сутки-двое, а иногда приходится и больше сидеть. Тут и копыто за еду сойдет. Объяснять? Да ни за что! Питаются почти как в ресторане. Пехтура гораздо хуже живет. Что да, то да. Все в сравнении.

— Шерстяные носки?

Ян попытался вспомнить, есть ли у Радогора шерстяные носки, но в памяти не отложилось. Хватало других забот.

— А как же! — подтвердил, не краснея. — Имеются. Офицер все-таки. Не в портянках ему ходить.

Когда отступали, Ян еще на бронепоезде катался, а вот при наступлении сапоги месяцами не снимали, так что ноги гнили. Рота всегда впереди шла. Еще и вши заедали. Помыться некогда. Не спрашивают — и слава богу. Надо думать, в их представлении баньки везде понатыканы.

— Ноги держит в тепле, обязательно. Здоровье прекрасное. Ну что вы! Не в землянке проживает. Прекрасная изба. Теплая. Не хворает.

Через Вислу когда ходили, было страшно «сухо» и «тепло». Берега замерзают, а посередине еще нет. Вот и плывешь на тот берег с бечевкой. Выползаешь на лед, а он под тобой обламывается. Детям и женщинам такого не рассказывают. Закрепишь там, а на следующую ночь группой на плотике вдоль бечевки. Выползаешь назад — и спиртику тяпнул. С этим проблем не было. И хоть бы раз кто заболел! Расскажи кто другой — и не поверил бы.

— Какая стрельба? Мы почти в тылу, да и в обороне стоим.

Ага. Расскажи им. Конечно, не простая пехота, но про это предупрежден язык не распускать. У нас жизнь наособицу. Пошли, взяли «языка», вернулись — у нас есть свое жилье, своя кухня, мы можем поспать. Кроме того, нет сложностей свободно передвигаться в нашем тылу, если не нагнеть. Да в

тот же санбат сходить к медсестричкам. До войны кто бы баб в армию пустил? Жуть! Каган лично бы удавился от негодования. А сейчас в порядке вещей. Лучше чем мужики обиходят. Не все, разные свиристелки попадаются, но в целом лучше. Конечно, на прогулки так просто не сходишь, предупреждали командиров, но все равно это было больше на доверии. Да за такие привилегии кровью платят. За год две трети роты схоронили.

— На той стороне Вислы австрияки — на этой мы. Чего зря палить? Бессмысленно. Сидим, друг на друга смотрим.

А Фарида снайпер подстрелил. Тоже думал, тишина.

— Все кругом уважают.

Хоть это правда. Трусам в разведке делать нечего. Кто сам уходит, кому и подкажут. Ненавязчиво. Солдаты Радогора ценили. У него потери всегда минимальные: соображает. В жизни никого пальцем не тронул без серьезной провинности. Иногда, недовольный, посмотрит — и от одного взгляда становится не по себе. Даже слова не требуются.

— Чаю? Спасибо, с удовольствием. Только мне задерживаться никак нельзя. Вечером к эшелону обязательно. А... это... Отличившихся сержантов направляют в военное училище. Да какой я герой! Обычная работа... А? Трехмесячные курсы. Вот прямо здесь, в Ярославле¹. Удачно вышло. Если получится, еще зайду. Присвоят младшего лейтенанта — и буду офицер. Сейчас приказ вышел. Вместо временного звания — на ускоренные курсы. Потому что на фронте затишье. Австрияк уже не тот пошел. Выдохся. Даже во Франции не сдюжил. Весной подкрепления подбросят, артиллерию усилят — и пойдем дальше. Три месяца крайний срок, у таких, как я, опыт имеется, а в обучении маршировке мы не нуждаемся. Просто пошлю... Ой, простите... Короче, сплошной отдых — и назад уеду. Да, немножко нарушаю закон. Проездные билеты на всю группу, а я в самоволке. Ну что вы! Мне нетрудно. Меня? — изумился. — Да никогда! Не поймают. Надо просто вовремя успеть к одиннадцати вечера. Я расписание эшелонов знаю.

---

¹ Ярославль правильно называется Ярославль-на-Дону и находится, естественно, совсем в другом месте, чем в нашей реальности.

А и задержат — ничего страшного. Отправят назад — так еще и к лучшему, подумал. Мне после войны офицерские погоны не светят, а со своими всегда приятнее служить.

— Вы все прибыли из воинских частей, уже понюхав пороху. Все награжденные за дела воинские, — проникновенно вещал майор.

Ян стоял в шеренге вторым справа и старательно пытался не заснуть. Слушать офицера ему было малоинтересно — заранее знал, о чем речь. Так толком и не выпался. Вчера его еще долго пытали всевозможными вопросами, пока он не начал повторяться на манер застрявшей граммофонной пластинки. Ничего удивительного, родственникам все интересно. На счастье, пришел отец капитана. Он, видимо, в госпитале насмотрелся и наслушался подобных речей. Зато и сообразил накормить. Даже слегка налил из заначенной с довоенных времен бутылки. Еда была достаточно бедная. Картошка с рыбой, но по нынешним временам и то хорошо. Кто-кто, а приличные врачи не бедствовали. Тому поможешь, этому пропишешь, и кроме карточек еще и дополнительные продукты появятся.

Удачнее всего, что он проводил до самой станции. Дважды попадались патрули, но офицерские медицинские знаки различия сделали свое дело. Майор из мужика никудышный, даже разговаривать, как требуется, не умеет, да ему не на фронте командовать бойцами, а раненых лечить. Все медработники военнообязанные, хорошо еще, в родном городе оставили. Видимо, специалист хороший.

Ян был якобы нужен для перетаскивания лекарств в госпиталь из прибывшего товарняка и находился там на излечении. Отчего и справки не имел, зато врач с виноватыми глазами (совсем врать не умеет) подтверждал его право разгуливать по вечернему городу. Могли и придраться, однако сошло. Не пришлось лазить через забор. Затесаться в колонну было уже делом техники. Пока по ротам распределяли, вещи в каптерку сдавали, погоны новые (курсантские) пришивали, мылись и получали белье, особо не отдохнешь. В шесть утра подъем, двадцать минут на умывание и построение. Остальным хорошо — они в дороге выпались.

По ротам их распределили старым испытанным спосо-

бом. Как встали по росту, так и пошли. Училище представляло собою батальон — с батальонным командиром, адъютантом и четырьмя ротными командирами. Две роты из малолеток, которым еще учиться и учиться, и две собрали из подобных ему оборотов, увешанных орденами и медалями. Парни в большинстве уже заранее подобных крикунов ни в шайтана не ставили и мечтали удрать в самоволку на город посмотреть. Попадались и мечтающие о карьере — тут была интересная тонкость. Не окончившим училища на фронте могли присваивать временные звания. Никого более подходящего под рукой нет — ставили на должность с соответствующей записью. После войны такое количество офицеров без надобности, да и платить пенсии накладно, вот и срезали при демобилизации на звание-два. А вот с официальной справкой об окончании военного училища совсем другой разговор.

У каждого ротного командира под начальством было два младших офицера, собаку съевших на обламывании сильно возомнивших о себе. В нормальном штатном расписании максимум один, но здесь «учебка». Все это прекрасно знали, но основная масса решила с удовольствием отдохнуть. Дальше фронта все равно не пошлют. Это они зря так думали. На сотню прошедших огонь, воду и медные трубы контролеров мало, но это армия. Назначаются из своих же курсантов командиры отделений и взводов — будет кому следить за порядком.

— Не просто так прислали вас сюда командиры. Им необходим стойкий костяк в части из сержантского состава. Вы приехали не на отдых! Будете учиться. Поэтому прошу забыть вольницу и отклонения от устава. Строжайшая воинская дисциплина! И молитва! — взвизгнул майор. — Помните: «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха». Только так мы победим!

Ян от неожиданности вздрогнул.

«О господи! — мелькнуло в голове. — Говорил я, к шайтану это дело. Мне еще фанатика не хватает в начальстве. Крысы тыловые».

Майор понес что-то про дух благочестия и всезнающего милосердного Пророка. Ян окончательно затосковал. Сон пропал, он с интересом сам с собой поспорил — как быстро

его вышибут отсюда и один ли он такой. Достали уже умники. Как призыв — так всех: гражданин обязан служить в армии. А чуть что — одни граждане первого сорта, другие второго. Почему-то первые от вторых ждут великого патриотизма. Научись сначала не считать себя заранее высшим — и будет тебе уважение. В окопах от этого быстро излечиваются. Там ценятся дела, а не слова. Там еще и атеистов не бывает. Как начнется обстрел, так все вспоминают про молитвы. Не стандартные — от души.

Строй неожиданно заворчал. Негромко, но с нехорошей интонацией. Ага, не только его достал придурок. Ребята все битые, жизнью тертые и бояться краснобаев даже в погонах отучились. В другом месте могли и отделать за милую душу. Охаивания и нотаций особо терпеть не станут. Догадался тоже проехаться по почитанию святых и предков. У саклавитов это норма, никакими проповедями не уничтожить. Коран только кажется достаточно прямолинейным и однозначным писанием — вся тонкость заключается в его истолковании. Реформаторские потуги Кагана слишком многим пришлись не по душе.

Майор понял, что его занесло, и, обращаясь к Яну, требовательно спросил:

— Вы согласны?

Наверное, решил, что как каждый нормальный новобранец послушно подтвердит. Кому охота спорить с начальством?

— Никак нет, — лениво ответил тот, делая наивное лицо. — Мы, католики, очень уважаем святого Георгия. Он тоже военный был.

Он бы этого никогда вслух не произнес, однако образованные правоверные прекрасно и намек поймут. Святого Георгия изображают побеждающим дракона, и лет двести он в любом костеле в Сибири висит, в обязательном порядке. Кого католики подразумевают под видом дракона, желающий без труда догадается. Но прямо — ни-ни! Традиция. Придаться не к чему.

Сзади обрадованно заржали в несколько голосов. Майор мазанул бешеным взглядом, однако вопить не стал. Понял, каким выставился идиотом. Его тоже можно понять. Наверняка первый случай присутствия в его роте иноверца. В офи-

церские училища немусульман брали с большим скрипом. Для желающих служить иноверцев были отдельные хазакские воинские училища. Для поступления в юнкерское (потом военное) училище было нужно всего пять классов. А потом, отдал сына в юнкера — теперь он всю жизнь при жалованье, квартире и питании. Бедному человеку это привлекательно, и поток желающих стать офицерами никогда не высыхал.

С этого года принято решение слишком большие потери восполнять отличившимися сержантами. А среди них очень разные попадают.

Церемонию скомкали, торопливо разведя по казармам. Ян шагал молча, но взвод по дороге бодро обсуждал, когда кормить будут и чем. Недовольных его выступлением не наблюдалось. Отвыкли как-то выслушивать многочасовые речи, и стремительное завершение всех обрадовало.

— Ну и отдай его мне, — послышался спокойный голос сзади.

Майор Шаповалов резко замолчал и развернулся к говорившему. Он как-то упустил в пылу обличительной речи, что в канцелярии они не только вдвоем с надполковником. За столом сидел худощавый высокий мужчина в равном ему звании и изображал изучение личных дел курсантов. Изображал, потому что все равно этим должен заниматься писарь, а сам майор левой рукой писал плохо.

Юнакова он слегка побаивался. Внешне тот никогда не высказывался и не проявлял обычного пренебрежения фронтовика по отношению к тыловикам, ведя себя исключительно корректно, но он невольно начинал приписывать тому свои собственные мысли. Все казалось, что Юнаков к нему плохо относится. Всю войну Шаповалов просидел в училище и сам про себя прекрасно знал, что на фронт не рвался. Вот невольно и возникают мысли соответствующие.

Шаповалов быстро просчитал варианты и решил, что его не подсиживают. Какой в этом смысл? Наверное, попросит потом ответного одолжения.

— Кого взамен? — деловито спросил.

— Да без разницы, все новички. Первого попавшегося возьмешь.

В серых глазах Юнакова была насмешка и невысказанное пожелание сначала поинтересоваться, правильно ли делает намаз. Шаповалов в очередной раз прикинул, не являлось ли его назначение командиром роты бывших сержантов тонкой интригой по выживанию его с хорошего места, и решил — ерунда. Этот подсиживать не станет. Сразу в морду залепит. Хорошо, что до сих пор их дороги особо не пересекались. Вот и не стоит обострять. Тебе одолжение делают — бери и радуйся. Смутьяны в роте ни к чему.

— Договорились, — дружелюбно улыбаясь, сказал он. — Вот прямо сейчас и займусь.

— Раз такое дело и к всеобщему удовольствию разрешилось — свободен, — прогудел надполковник. При желании он мог не напрягаясь орать так, что весь плац прекрасно слышал.

Шаповалов отработанно вскинул руку к козырьку фуражки, отдавая честь, и поспешно вышел.

— И зачем? — спросил надполковник, когда дверь закрылась. — Это же даже любопытно было, кто кого съест. Я бы поставил на старшину. Ты его сопроводилку видел?

— Да что там можно понять, — с досадой отозвался Юнаков. — Вот читаю. — Он попытался взять листок бумаги правой, затянутой в черную перчатку рукой и выматерился. — ...Императорова мать, — завершил тираду. — Скоро год как кисть ампутировали, а никак не привыкну. И ведь чувствую ее все время. Будто на месте. Иной раз так дергать начинает, хоть плачь... Не умеют у нас писать нормальные бумаги. Кого ни спроси, бюрократия кругом, на все справка необходима, — а ни шайтана не понять. Просто это кончилось бы мордобоем, или зарезал бы этот Тульчинский нашего красавца. Оно тебе надо, такое происшествие? Позор на всю армию. Кстати, Тульчинский от Тулы? Откуда там католики?

— Скорее, от Тульчино. — Надполковник поднялся и, взяв листок, уселся на край стола. — Вот из-за таких, как ты, в этих сопроводилках сложно разобраться. Натуральная отписка. Я ж тебя прекрасно помню еще с выпуска. Ленивый до безобразия. Домой письма раз в полгода отправлял.

— Я исправился, — пожав плечами, смиренно сказал Юнаков.

— Врешь, прикрываешься вот, — надполковник кивнул на руку, — а сам не хочешь головой работать. Знаю я эти идеи. Учить надо воевать, а не шагистике и исправлению грамматических ошибок. Это для сержантов правильно. Им через три месяца снова назад. А нашим ученикам еще три года впереди. Старшие курсы и так загнали на фронт. Много пользы там от этих молокососов. Младше уже некуда. Так что смело свои знания внедряй в дубовые головы этих Тульчинских, успевших забыть курс начальной школы, но запросто способных научить и тебя правильной тактике и разметке секторов обстрела. Необходимо проверить, умеют ли они читать карту, и научить правильно составлять донесения. Опытный сержант любого выпущенного из училища офицера воевать обучит.

Он помолчал для внушительности и продолжил:

— Учись, майор, у старых волков бюрократии читать между строк. В жизни пригодится. Итак... — Он поднес бумагу к глазам: — Место рождения — поселок Степь. Очень поэтично звучит. Ничего в той дыре наверняка нет, кроме сайгаков и вечного ветра. Понятия не имею, где находится, однако призывался через Харбин. Что и неудивительно. Достаточно ясный намек, даже если не заметить штампика о вероисповедании. Так... Два года армии до войны. Направлен в... вот этот странный индекс обозначает железнодорожный батальон. У нас их было всего три, и туда отбирали на совесть. Что автоматом означает, что не неграмотная чурка, а скорее всего, в технике разбирается. Там не только шпалы таскали — ремонтом все больше занимались. А что не дурак, подтверждают записи о стабильном служебном росте. Младший сержант, сержант, старший.

— Это еще не доказательство.

— Но как бы намекает. Ага. Начальство довольно. Потом погончики срезали, и за что — непонятно только баранам. Параграф и пункт обвинения потом посмотришь. А я без напряжения укажу на неподчинение приказу.

— У нас говорили «непочтение». А это ведь что угодно. Вплоть до уголовщины. А если отношения испорченные, и

мелочь какая возможна. Придрался офицер — и под трибунал.

— Правильно понимаешь. Если на втором году службы своего офицера сержанты посылают, либо он вроде нашего Шаповалова, либо там очень нехорошо пахло. И ведь не посадили, значит, реально нечисто. До трех лет в самой мягкой форме по данному параграфу, а его в звании понизили. Тьфу! Замяли дело. До войны я бы точно телеграмму с запросом отбил и поинтересовался, а сейчас наверняка тех людей на месте нет. Слишком много времени переписка займет. Подробности выяснятся уже после отбытия данного экземпляра на фронт. Просто держим в голове на будущее данный казус. Потом у нас Кенигсберг и награда. По представлению командира бронепоезда. На «Рассвете», чтобы ты знал, две трети погибли, и на восток они ножками выходили. У меня там хороший знакомый служил, из первых рук знаю. А не забыл офицер бумагу написать. Любопытно было бы узнать, как этот подвиг выглядел реально. Тогда ордена не слишком-то давали: отступление. Так... пехота... Ну это понятно. Тогда в строй всех подряд ставили. Почему в разведку? — пробормотал надполковник.

— Это как раз ясно. Пришел офицер и спросил: «Добровольцы есть?»

— Тебе виднее. Ты ж ему ровесник почти? Тоже два года успел отмотать до войны, но еще и училище. На войне люди быстро растут, не то что мы, старые дундуки. В мирное время хорошо в училище. Квартира с отоплением, еда казенная и сто дирхемов ежемесячно. Да еще и каждые пять лет повышение в чине. Скучно, но польза от тебя имеется. Правда, до генерала прыгнуть не светит. Тупиковая должность. Вот и у нас заметно. Я все надполковник, а ты уже майор. Впрочем, это если не убьют.

Юнаков произвольно поморщился.

— Ну ладно, лирика закончена. Продолжаем... Два ранения и возвращение по прежнему месту. Кстати, показатель. Из госпиталя могут сунуть куда угодно — интересно, как оформлялось. Скорее всего, никак. Добирался до своей родной части, и задним числом писалась бумага. Что нам опять же намекает на определенное отношение со стороны начальства. Опять же смотри, как прыгнул. Из дивизионной в

армейскую, а очередной орден командующим фронтом подписан. Ценный кадр. Должность вполне себе лейтенантская, а звания даже временного не дают. Почему — объяснять надо? Потенциально нелояльный тип. С такими, наоборот, носиться надо, холить и лелеять с прицелом на будущее, пусть пример являют всем иноверцам, в том числе и служебного роста, а они проверяют, на месте ли крестик. И запись последняя от его прямого начальника, страстно желающего пробить старшине офицерское звание. Двадцать два «языка» лично и в составе группы — это не хухры-мухры. Недаром свои ордена с медалями имеет. Он себе цену знает и на чужие слова с большой высоты поплевывает. Так что поймел ты, голубь, либо большую проблему на голову, либо хорошую опору в роте. Как сумеешь поладить. А я посмотрю. Это тебе тест на профпригодность — сам напросился. Считай, по результатам будут и выводы. Должно быть у старого человека развлечение?

— Ты еще не старый, — отрицательно помотал головой Юнаков. — Раньше казалось, когда сам курсантом был. Сейчас совсем по-другому смотрится.

— Подхалимничаешь, — довольно сказал надполковник. — Давно уже свои двадцать пять лет честно отбарабанил. Если бы не война, вышибли бы на пенсию без сомнений. А так еще требуюсь. А вообще — да. Я молод душой и бодр. Если бы не приходилось читать многочисленные бумажки, наверняка можно считать, что жизнь прекрасна. Вот недавно очередная поступила. Про некоего офицера Юнакова, прямым из МВД.

Майор напрягся и сел прямо.

— Твое счастье, что анонимка, и еще большее — что я в своем кресле скоро десять лет сижу. Хвала Аллаху милосердному, всех кругом знаю и могу тихонько договориться. Ну выпили молодые офицеры, — глядя прямо в глаза, пожурил надполковник, — ну языки распустили. Что они все на голову контуженные и рассуждают про воровство на самом высочайшем уровне — так ведь без конкретики, и имени нашего замечательного Кагана и его семьи не порочили. Хотя и стоило бы, — после паузы добавил. — Но что они совсем не рассужают, с кем и при ком говорят, — так это ни в какие ворота не лезет. Головой думай! — рыкнул надполковник в полный

голос. — Кто там у вас такой весь из себя доносчик нарисовался. Заговорщики нашлись! Идиоты! Распустились! Забыли, как это у нас делается. Кто не доносит — не патриот. За ложные сведения доносчик не отвечает. Делу только потому и хода не дали, что стеснительный тип оказался. Имени не захотел сообщать. Наверняка кто-то свой и прекрасно знает, что вместо повышения получит от меня крупные неприятности. Только я не всеислен, — тоном ниже сообщил надполковник. — Накатает донос в дворцовую канцелярию или просто во Владимир — и легко не отделаетесь. И на заслуги не посмотрят. Выгнут крамолу начисто, да и меня на пенсию: за утерю бдительности. Ты все понял? — спросил с нажимом.

— Так точно, господин надполковник, — деревянно ответил Юнаков.

— Тогда ступай и делом займись. Своими прямыми обязанностями. И не вздумай выяснять отношения публично, с дуэлями и прочими глупостями. Таких давят тихо и без присутствия свидетелей. Без благородных жестов и длинных разговоров. Но только если уверен, что не ошибся. Думай!

1935 год

Я попытался вывихнуть челюсть при помощи зевка и поспешно отложил книжку. Автор, конечно, большой специалист по истории, но я в огромном количестве китайских имен просто тону. Запомнить их куда сложнее, чем любые правила этикета. Кому нужны эти нудные подробности правильного поведения при императорском дворе? Зато экзотика, и сразу ясно — историк не лаптем щи хлебал. Он, без всяких сомнений, вкушал палочками рис.

Циси — это не имя императрицы, на самом деле ее звали Ланьэр (Орхидея). Подлинные имена членов императорской семьи запрещено произносить под страхом смертной казни. И это крайне важно, если удастся забыть, что она уже больше двадцати лет смиренно лежит в могиле. Хотя кто ее знает, может, и пытается потихоньку выкопаться. Вряд ли ей может нравиться происходящее в Поднебесной.

Непонятно — откуда такое странное название? Так нет никакого Китая!

В пятнадцатом веке нередко для Северного Китая использовалось название «Китай» и его производные, а для Южного — Чина (Хина, China). Даже название звучит для европейского уха странно: Чжунхуа Миньго. Китайская республика. Слово China (немецкий и английский — China; французский — Chine) произошло от слова «ча» (т. е. «чай»). Есть еще предположение — от слова «чоу» («шелк»). Ничего более интересного в средневековом Китае не имелось.

Если во внешнем мире Китай выступает как символ абсолютного единства, то внутри страны никакого «единого Китая» не существует. Исторически страна складывалась постепенно как результат слияния самых разных племен, царств, народностей, говорящих на разных языках, имеющих разное происхождение и, как следствие, разные национальные традиции. Поэтому говорить о некоем абстрактном китайце можно с большой натяжкой.

Упустили мы Китай. Как есть упустили. И отмахиваться, указывая на внутренние проблемы, не стоит. Сложность даже не в происходящем сегодня, а в старательном нежелании позднего Каганата к серьезным контактам с иноверцами. Даже торговля у нас была кривая. Через Маньчжурию и обставленная тысячей сложностей. А ведь был момент, когда вполне могли показать кукиш европейцам и влезть в страну обеими ногами.

Салимов незамысловато продолжил прежнюю политику на Востоке. Правда, Синьцзян с Монголией из протекторатов превратили в очередные русские волости и Мукденскую провинцию под себя подмяли, но это уже по инерции. Не отдавать же японцам. Чисто на жадности выехали и из желания показать, что с Русью и при новой власти считаться необходимо. Зато закрыли глаза на все остальное, отделяясь минимальной помощью. Вот и доигрались.

Хотя кто его знает, может, оно и к лучшему. До серьезных столкновений с Микадо так и не дошло. Лезут японцы на юг — попутного им ветра. Все лучше, чем на север. Двадцать лет назад мы бы не потянули серьезной войны, да еще и с англичанами за спиной у самураев. Что ни делается, все к лучшему.